

DOI: 10.31857/S013038640020233-4

© 2022 г. А.В. ПОСАДСКИЙ, Л.В. ЛАННИК

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И НЕУДАЧ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Посадский Антон Викторович — доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Саратов, Россия).

E-mail: Posadav68@mail.ru

Scopus Author ID: 57195474044; ORCID: 0000-0001-8738-7487

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Аннотация. Статья посвящена проблеме военно-политической ориентации русского офицерского корпуса после Октябрьской революции 1917 г. На основе обширного круга источников личного происхождения и мемуарной литературы поставлен вопрос о состоятельности распространенной версии исхода Гражданской войны и судьбы Белого движения. Разложение русской армии, а затем и фрагментация огромного пространства Российской империи предопределили изменение позиции по «русскому вопросу» всех основных участников Первой мировой войны, прежде всего Великобритании, Франции, Германии, отчасти США и Японии. Военные соображения диктовали активное участие этих стран в борьбе вокруг потенциального Восточного фронта на территории России. Русский офицерский корпус также вынужден был самоопределяться, кого поддерживать — германскую сторону, союзников и/или советскую власть. В статье дана общая характеристика состава и состояния русского офицерства к осени 1917 г. и его дальнейшей эволюции, обозначены факторы, предопределившие тот или иной выбор. Предложен анализ распределения политических и личных пристрастий офицеров в вопросе внешнеполитической ориентации. Авторы рассматривают весь спектр мотивов выбора в обстоятельствах 1917–1918 гг. и отчасти 1919 г. разных категорий офицеров. Поднимается вопрос о мотивах тех офицеров, кто выбрал путь «национального» самоопределения. Каждый из рассмотренных сюжетов проиллюстрирован примерами известных персон генеральского и штаб-офицерского уровня. В заключение обозначены варианты политических предпочтений русских офицеров в эмиграции вплоть до завершения Второй мировой войны.

Ключевые слова: Белое движение, офицерский корпус, Россия, внешнеполитическая ориентация, Гражданская война в СССР, Первая мировая война, Антанта, Центральные державы, иностранная интервенция в СССР.

A.V. Posadsky, L.V. Lannik

The Foreign Policy Orientation of the Russian Officers and the Factors of the Formation and Failures of the White Movement: Formulating the Problem

Anton Posadsky, Volga Region Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia).

E-mail: Posadav68@mail.ru

Scopus Author ID: 57195474044; ORCID: 0000-0001-8738-7487

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Abstract. The article examines the political and military orientation of the Russian officer corps after the October Revolution of 1917. Drawing on a wide range of ego-sources, the question is posed as to the validity of the widespread version of the outcome of the Civil War and the fate of the White Movement. The disintegration of the Russian army and the subsequent fragmentation of the vast body of the Russian Empire predetermined a change in the position on the “Russian question” of all the main participants in the Great War, above all Britain, France, Germany, and to a certain extent the United States and Japan. Military considerations dictated the active participation of these countries in the struggle around a potential Eastern Front on the territory of the former Romanov's Empire. The Russian officer corps was also forced to determine who they wanted to support – the German side, the Allies, and/or the Soviets. The article provides a general characteristic of the composition and state of the corps by the autumn of 1917 and its further evolution, identifying the factors that predetermined this or that choice. The authors analyse the distribution of political and personal predilections of officers with regard to foreign policy orientation. They examine the full range of motivations for choosing an orientation in the circumstances of 1917–1918 and partly in 1919 for different categories of officers. The question of the motives of those officers who chose the path of “national” self-determination is addressed. Each case is illustrated with examples of prominent officers of the rank of general and officers of the staff. In conclusion, the authors chart the trajectories for further research on the subject of political orientations among Russian officers in exile, up to the end of the Second World War.

Keywords: White movement, Russian officer corps, foreign policy orientation, Civil War, Russia, Great War, Entente, Central Powers, intervention, Allies.

Вопрос внешнеполитической ориентации в годы Гражданской войны стал для русского офицерства центральным еще в кампанию 1918 г. Позднее ему придавали статус рокового и определяющего для исхода противостояния между большевиками и их противниками на постимперских пространствах. После рассмотрения ряда альтернатив возникал типичный для анализа проигранной войны топос упущенных из-за роковых разногласий возможностей, особенно ярких в первый год существования советской власти, когда проблема внешнеполитической ориентации часто грозила сорвать всякое сотрудничество. В советской историографии по идеологическим соображениям создавался принципиально обратный миф о едва ли не едином (даже в 1918 г., даже в разгар Великой войны!) фронте империалистов, а потому раскол русского офицерства при выборе одной из сторон воюющих коалиций оказывался несущественным восве. Судьбы офицеров русской армии после 1917 г. стали комплексно изучаться начиная с позднесоветских времен¹. Значительным событием в советской историографии стал труд А.Г. Кавтарадзе. Усилиями С.В. Волкова и А.В. Ганина дана общая картина, как

¹ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988; *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999; *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013; *Его же.* Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М., 2018.

офицерство выбирало ту или иную сторону в Гражданской войне. Отметим существенные уточнения, сделанные А.В. Ганиным. Он уже много лет исследует судьбы офицеров Генерального штаба, в том числе в пореволюционное время. При этом проблема ориентаций в рамках Первой мировой войны, вставшая во весь рост перед многими представителями русского офицерства, не становилась предметом самостоятельного рассмотрения.

Таким образом, при сохранении заложенных около века назад тенденций в историографии есть опасность как недооценки, так и грубого искажения роли внешнеполитической ориентации офицерства бывшей Русской императорской армии. К настоящему моменту в научный оборот введен гигантский массив документов личного происхождения в первую очередь из антибольшевистского лагеря. Наследие Русского зарубежья в этом отношении исключительно богато. Процесс обнародования все новых свидетельств продолжается и далек от завершения. Внушительные массивы это-документов представляют и революционный лагерь. Громадные коллекции воспоминаний деятелей революции разного ранга хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) с многочисленными и потому репрезентативными для анализа свидетельствами о немцах и союзниках, о поведении тех и других, о мотивах населения бывшей Российской империи, сотрудничавшего с различными противоборствующими сторонами. С германской стороны — несмотря на огромные потери вследствие бомбардировок 1944–1945 гг. — уцелел значительный объем зачастую не введенной в оборот делопроизводственной и личной документации о военных действиях и оккупации на Востоке, в том числе в 1918 г.

Возникает вопрос о первичности или вторичности внешнеполитического параметра многообразной дезинтеграции офицерского корпуса, переживавшего в условиях мировой войны особенно сложную трансформацию. Задача осложняется необходимостью учета этического измерения проблемы, что является неременным условием для изучения всякого традиционного корпоративного сообщества. Внешнеполитическая ориентация на исходе Великой войны оказалась особенно крепко связана с такими категориями, как «предательство» и «измена», причем не только Родине, но и «союзническому долгу», и «боевому товариществу». Уже одно это заставляет обратить внимание на истинное место данного явления в контексте более общего феномена внешних культурных и культурно-политических ориентаций в истории внутривнутриполитических противостояний, в частности в России.

Старательно подпытываемый во всех великих державах накануне Великой войны шовинизм после 1 августа 1914 г. обрел более глубокие практические последствия, нежели ожидалось. Российская империя, имевшая мощный немецкий слой во всех административных, экономических и особенно военных инстанциях, с трудом балансировала на грани дезинтеграции элиты, часть которой подверглась остракизму. Не менее острой и поистине роковой становилась славянофобия для Австро-Венгрии, не обладавшей критической массой титульного населения на всех уровнях общественной иерархии, несмотря на последовательное онемечивание и мадьяризацию. Менее остро, но по-своему сложно давалась антифранцузская кампания Германской империи, хотя, казалось бы, опыт национального пробуждения во время Освободительной войны против Наполеона, а затем триумф 1870–1871 гг. должны были покончить с любыми травмами от бывшей культурной зависимости. Несмотря на десятилетия языкового пуризма и националистический курс, получивший мощную поддержку всех слоев буржуазии, следы воздействия «наследственного врага» были слишком очевидны². Спустя десятилетия агрессивной пропаганды до Великой войны, в германской армии возникла проблема лояльности эльзас-лотарингцев, которую «решили» с помощью плохо скрываемой «ссылки» на Восточный и другие фронты, что не помешало их дезертирству на сторону Антанты. Кадровое

² Достаточно указать, что высший прусский орден, даже военная его степень, вплоть до крушения германской монархии сохранил свое название «Pour le Mérite» (За заслуги).

офицерство всех трех консервативных монархий, во многом весьма схожее³, при всей его культивируемой аполитичности неизбежно отличалось если не политическими, то культурными привязанностями и ориентациями. В новых условиях они могли резко актуализироваться под воздействием идеологий, личных впечатлений, информационных воздействий. При утрате бывшего великодержавного статуса приверженность в симпатиях к тому или иному блоку стран становилась фатальной. Это было хорошо знакомо многим региональным элитам из стран, лавировавших между Антантой и Тройственным союзом задолго до 1914 г., — Румынии, Болгарии, Греции, Швеции, Нидерландов, в известной степени также Османской империи, Италии и даже Австро-Венгрии. По мере ослабления Российской империи, и особенно после начала ее распада, данная проблема неожиданно превратилась в базовую и для офицерства бывшей Русской императорской армии.

Для оценки решающего этапа трансформации внешнеполитической ориентации, пришедшегося на столь же решающую для Великой войны кампанию 1918 г., необходимо учитывать тенденции, сложившиеся задолго до 1914 — 1917 гг. Германия для России была во многих отношениях более знакомой и понятной, хотя не всегда более близкой, чем Великобритания и Франция. До трех миллионов выходцев из различных немецкоязычных регионов, среди которых были подданные всех трех империй востока Европы, являли собой весомую и хозяйственно активную величину, хотя и неравномерно распределенную по губерниям России.

В войну «патриотическое» политиканство верхов накладывалось на действительно громадное присутствие немцев в русской хозяйственной жизни, во-первых, и действительно разветвленный германский шпионаж⁴, во-вторых. «Народная» интерпретация такого положения вещей видна в московском немецком погроме 1915 г., беспорядках на линкоре «Гангут», многочисленных слухах про измену и реакции на масштабные диверсии, периодических конфликтах колонистов с русскими крестьянами⁵. В связи с демократизацией офицерского корпуса именно такие низовые представления и сигналы, включая городской фольклор, оказывали все большее влияние на фронт, и не только в солдатской среде.

Шаблонные представления о союзниках, особенно французах, и «кайзеровском сапоге» корректировались с каждым месяцем военных кампаний. Германский противник демонстрировал впечатляющие успехи в организации, дисциплине, тактике и техническом оснащении. Для офицеров и опытных нижних чинов (ощутимо пополнивших офицерский корпус после 1914 г.) в ходе войны становились очевидны серьезные изъятия в организации и действиях русской армии. Действия союзников, на фоне завышенных ожиданий от них, создавали питательную среду для сравнений и анализа. Тяжелейший 1915 г. вполне смог сформировать ощущение циничного использования русской крови союзниками. Хотя союзные поставки постепенно нарастали и играли важную роль в восстановлении боеспособности русской армии, частные примеры показывают, что союзники были не слишком щепетильны в заботах о качестве поставляемого, что вызвало соответствующую реакцию⁶. Поляризация мнений в офицерстве по вопросу о желательности и условиях выхода России из войны с германским блоком наметилась еще в ходе

³ См. компаративный анализ: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900—1914 гг.). М., 2001.

⁴ Достаточно вспомнить серию взрывов на военных заводах (на Охте), чудовищные по количеству жертв взрывы доставленных военных грузов в Архангельске, затопление дредноута «Императрица Мария».

⁵ См.: *Айрапетов О.Р.* Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // *Русский сборник*. Т. 8. М., 2010. С. 112—144. Масштабное исследование развития общественного мнения в России: *Аксенов В.А.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М., 2020.

⁶ *Залюбовский А.П.* Снабжение русской армии в Великую войну ружьями, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937; *Павлов А.Ю.* Союзники и противники: франко-русский союз в 1918 г. // *Исторические исследования*. 2020. № 15. С. 227—236.

кампании 1917 г. Она подпитывалась не только опытом наблюдения и участия в развале старой армии, но и острой реакцией на поддержку Антантой обанкротившегося в своих военных усилиях Временного правительства⁷.

До декабрьского 1917 г. перемирия, заключенного советским правительством, фронт по инерции существовал. Перемирие открыло пространство для новых взаимоотношений. Параллельно возникла почти символическая сила в лице «Алексеевской организации», будущей Добровольческой армии, которая провозгласила идею борьбы с «германо-большевизмом» и верности союзническим обязательствам. Последовало формирование и других локальных очагов сопротивления, позиционировавших себя как ячейки будущей всероссийской альтернативы «германским агентам» у власти в Петрограде, а затем в Москве. Потенциал их оказывался слишком скромным, поддержка местных сил, в том числе казачества, в лучшем случае умеренной, надежды на союзников не оправдывались, в том числе благодаря отсутствию у Антанты реальных рычагов воздействия на ситуацию в регионах, недостижимых для ее десантов. Все эти факторы стали сказываться еще во время так называемого «триумфального шествия советской власти», т.е. серии железнодорожных маневров, которые едва не окончились разгромом всех организованных очагов сопротивления большевикам в регионах. На таком фоне уже с декабря 1917 г. и по меньшей мере до октября, а то и ноября 1918 г. для любых антибольшевистских сил жизненно важным становился оптимальный выбор в поиске опоры между двумя продолжавшими схватку коалициями.

Разгром Ставки в Могилеве и начало переговоров о перемирии в Брест-Литовске ускорили массированное вмешательство эmissаров из Лондона и Парижа, а позднее Вашингтона в формирование нового Восточного фронта из тех группировок любого качества и масштабов, что были готовы продолжить войну с Центральными державами. Англо-французская конференция в Париже 9–10 (22–23) декабря 1917 г. приняла меморандум по «русскому вопросу», в соответствии с которым появились английская (Дон, Кубань, Кавказ, Средняя Азия и северная часть европейской территории России) и французская (Украина, Крым и Бессарабия) «зоны действия». Впоследствии Сибирь и Дальний Восток были признаны зонами действия США и Японии. Откровенный раздел России ее союзниками, которых будущие белые пока еще вовсе не считали бывшими, долгое время был достоянием лишь некоторых политических кругов, а в военной среде о нем знали лишь те, кому приходилось прямо контактировать с дипломатами и военными агентами Антанты при переговорах о поставках всего необходимого для борьбы с большевиками. Уже сложившуюся к началу 1918 г. антипатию к западным партнерам помогло преодолеть убеждение, что большевики — ставленники Германии, так что выбор внешнеполитической ориентации нередко был следствием исключительно внутривнутриполитического накала страстей.

За несколько месяцев сложилось базовое распределение сфер влияния воюющих блоков на ситуацию на развалинах Российской империи: воздействие Антанты неуклонно возрастало и обретало конкретные формы на всей периферии, связанной морскими или сухопутными путями со странами Согласия и их колониями. Основная часть Европейской России, в некоторой степени и Закавказье, и даже Туркестан стали ареной германской экспансии в различных формах: от прямой — в ходе военных действий в феврале–июне 1918 г. и в рамках оккупации громадных территорий на западе и юго-западе, — до подготовки будущего проникновения с помощью военнопленных, различных гуманитарных и экономических миссий из Германии, а также Австро-Венгрии и даже Турции. Масштаб России заставлял великие державы, поглощенные решающей кампанией мировой войны, опасаться слишком значительного вовлечения в ее внутреннюю борьбу или попыток «переварить» отторгнутые территории. Неизбежно возникала ставка на некую центральную

⁷ Значительное внимание данной теме было уделено на конференции, посвященной 130-летию русско-французского альянса в Екатеринбурге (3–4 декабря 2021 г.).

власть, способную контролировать хотя бы «великорусское» пространство и проводить по меньшей мере лояльный к одной из воюющих коалиций внешнеполитический курс.

В историографии считается, что борьба ориентаций, проблема сравнения и соперничества были характерны в основном в антибольшевистском движении на Юге России, а также в действовавших в обеих столицах подпольных кружках. На Востоке и Севере союзнический спектр оказался богаче за счет американцев и японцев, германскую проблему не позволяли игнорировать массы пленных из Центральных держав, которые вынуждены были определяться с путями репатриации или уклонения от нее. Германская угроза в такой форме серьезно беспокоила Антанту, хотя впоследствии советская историография упорно отстаивала тезис, что ссылки на кайзеровскую экспансию были для империалистов из стран Согласия лишь предлогом. Игнорировался по той же причине и факт разногласий в среде многочисленных офицеров, вступивших в РККА и РККФ, среди них оставались условные «антантафилы» и «германофилы», ряды которых также комплектовались в зависимости от личного довоенного опыта, перипетий Великой войны, рода войск, воззрений на перспективы победы одной из воюющих сторон для будущего развития России и т.д. В вопросе ориентаций о принципиальных и тем более идеологических отличиях между офицерами, пошедшими в Красную и Белые армии, особенно кадравыми, говорить не приходится.

Таким образом, одним из наиболее распространенных факторов в выборе русскими офицерами, с какой из сторон они продолжают службу в условиях Гражданской войны, был географический. Это применительно прежде всего к флотскому офицерству, болезненно реагировавшему на угрозу ликвидации или частичной сдачи флота врагу. Оправдания этому в виде условий Брестского мира или иных сделок большевиков с Германской империей попросту не принимались, а потому становились достаточным основанием для любых комбинаций с Антантой (как у А.М. Щастного, Г.Е. Чаплина и др.). В зависимости от чисто географических условий мог оказаться приемлемым и вариант с переходом под номинальный германский контроль как альтернатива непоправимому уничтожению корабельного состава и флотского имущества (крепости Петра Великого, форта Ино, береговых батарей и портовых сооружений и проч.). Эти соображения, а не воображаемые «германофильство» или «контрреволюционность» заставили пойти на сотрудничество или быть готовым к таковому А.И. Тихменева, М.П. Саблина, А.С. Максимова, братьев Е.А. и М.А. Беренсов и др.

Обвинения в адрес увлекшегося политикой офицерского корпуса отражают заведомо утопические и столь характерные для довоенной эпохи представления о его обязанности держаться в стороне от острых социальных конфликтов. Кадровые тенденции в ходе первой тотальной войны сделали подобные требования к офицерам по-настоящему массовой армии абсурдными, что было не вполне осознано частью высшего командного состава. С.М. Сергеев обоснованно указывает, что политический радикализм, даже вполне революционного свойства, может иметь национальную (национально-патриотическую) мотивацию. Она возростала с ростом образованности. Имперское в предвоенной русской жизни необратимо вытеснялось национальным на протяжении всего предвоенного десятилетия, организационно оформившись во Всероссийский национальный союз⁸. В пространстве сознания «условно-монархических» слоев русского общества, в том числе офицерства, под давлением Великой войны верноподданническое черносотенство сменялось рациональным национализмом. Соотношение профессионального и общегражданского в мышлении и настроениях офицерского корпуса резко менялось и в ходе войны. Для офицеров военного времени на первый план могли выходить национальная или регионально-этническая мотивация, или желание вернуться в прежнее состояние.

⁸ См.: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орёл, 2006.

Чистка А.И. Гучкова, травля со стороны комитетов, затем охота за «корниловцами», усилия военного министра А.И. Верховского по сокращению армии вынужденно отправили множество генералов и штаб-офицеров в отставку, отпуска или в резерв чинов к концу 1917 г. К этому времени офицерский корпус русской армии в значительном большинстве состоял из офицеров военного времени⁹. Кавалерия и артиллерия (особенно тяжелая) гораздо лучше сохранили кадровый каркас, чем пехота, где с передовой задолго до падения монархии были почти все строевые командиры с довоенным стажем. В неадекватно многочисленных небоевых и запасных частях служил большой массив офицеров военного времени, наскоро подготовленных и не имевших служебного и тем более боевого опыта. Например, В.М. Молчанов в тыловой Елабуге в 1918 г., оказавшись начальником белого гарнизона, отмечал, что в составе подчиненных ему войск из около 400 офицеров три четверти — прапорщики, не бывавшие на фронте¹⁰.

Призыв студентов с весны 1916 г. направил этот контингент в специально выделенные школы прапорщиков. Так в армию попадали политически развитые молодые люди с широким спектром убеждений, в том числе радикально левых. Особую категорию офицеров составляли произведенные на фронте из солдат¹¹. Привычный корпоративизм «господ офицеров» безвозвратно разрушался, при этом в офицерский корпус входили политика, социальные или национальные устремления. Последний, возможно, шанс для сохранения русской армии — радикальное сокращение численности за счет небоеспособных и тыловых соединений. Провести это в жизнь Верховскому не удалось¹².

Офицерство оказалось едва ли не главным и наиболее ценным адресатом массированных агитационных усилий проантантовских и прогерманских группировок, ведь его позиция была зачастую определяющей в расстановке военных сил, а уровень образования позволял надеяться на активный отклик в масштабе национальных задач. Это вовсе не отменяло приверженности офицеров, особенно младших, накопленному за предшествующие поколения набору стереотипов и традиций, связанных с восприятием зарубежных великих держав и ассоциируемых с ними моделей менталитета.

Для большинства русских социалистов, в том числе носивших в 1917 г. офицерские погоны, отношение к войне с 1914 г. определялось не столько государственно-национальной, сколько политической ориентацией. Германия понималась как олицетворение мировой реакции, а борьба против нее неизбежно носила «прогрессивный» характер. К такой политической окраске борьбы с Центральными державами добавлялись ссылки на австрийский диктат над славянским и православным населением. Данная позиция была в известном смысле зеркальным отражением традиционной позиции правых о необходимости содружества традиционалистских империй против объединенного англо-французского капитала.

Офицеры-эсеры пережили вместе с партией раскол по признаку готовности сотрудничать с большевиками, а затем — летом 1918 г. — еще один: по вопросу о допустимости союза против советской власти с кем угодно. Среди них наиболее яркой фигурой является полковник Ф.Е. Махин. После Брестского мира эсеры рассматривали большевиков «почти как немецкую экспозицию» и планировали опереться на Поволжье и Урал, воссоздав там прежний Восточный фронт против Германии, задачей которого было бы задерживать наступающих немцев, дожидаясь неизбежной победы союзников на Западе. 8-й Совет Партии социалистов-революционеров (май 1918 г.) решил опираться в борьбе на силы

⁹ Ганин А.В. Офицерский корпус... С. 32–34.

¹⁰ Молчанов В.М. Борьба на востоке России и в Сибири // Белая гвардия. Альманах. № 2. М., 1998. С. 33.

¹¹ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 6.

¹² Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.) / пред., комм. А.М. Савинова. М., 2014. С. 161–163, 173–175; Полторак С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб., 2014. С. 81–134.

русского народа, допуская привлечение вооруженных сил Антанты только для борьбы с союзными германо-большевистскими силами¹³. В логике неустойчивого равновесия и захватывающих революционных миражей развивалась антибрестская логика левых эсеров, среди которых был целый ряд ярких офицеров военного времени, представителей «нового» командного состава. В обстановке острейшего кризиса июля 1918 г. и во время подавления эсеровских мятежей именно внешнеполитическая ориентация могла стать роковой для жизни и судеб тысяч офицеров, оттолкнув от дальнейших выступлений колеблющихся, что убедительно продемонстрировал ход Ярославского восстания, где считавшие себя преданными ожидавшей Антантой попытались объявить войну Германии, чтобы в результате сдать в плен ее же ожидавшимся отправкой домой и едва вернувшимся из мест пленения солдатам.

Борьба за симпатии офицерства велась в значительной степени с помощью печати. Наиболее читаемая и качественная пресса в России находилась в руках кадетов. Конституционно-демократическая партия, как считается, выступала проводником влияния франко-английского, отчасти американского капитала. Кадетов не смущала перспектива хозяйственной зависимости от иностранного капитала, резко усилившаяся с лета 1914 г. и деформировавшаяся в однозначное преобладание англосаксонских и франко-бельгийских инвесторов¹⁴. Вполне естественно, что в годы Первой мировой войны газетная пропаганда против немцев оказалась не просто масштабной и эмоциональной, но и доходившей до гротеска. Война и настойчивая антинемецкая пропаганда 1915–1917 гг. имели возможность актуализировать очень разнообразный потенциал в самых разных кругах русского народа и других этносов Российской империи, тем более на западных ее окраинах. Резко расширившаяся зона германской оккупации спровоцировала в ряде регионов, где сохранились мощные кадетские организации (на Украине и в Крыму, например), попытку Милюкова выстроить широкую условно-прогерманскую коалицию антибольшевистских сил с центром в Киеве и фактический раскол партии по признаку ориентаций, с трудом преодоленный поздней осенью 1918 г.¹⁵

Такой локальный, «окраинный» фактор вынуждает к переосмыслению роли интервенции Централных держав, зачастую недооцениваемой на фоне более продолжительных антантовских усилий повлиять на исход Гражданской войны. Вплоть до сегодняшнего дня в трудах германистов можно встретить утверждение, что Брестский мир отдавал в руки Германии все, что она могла счесть ценным в России¹⁶. При всей сомнительности подобной оценки, скорее всего, современникам событий в первую очередь на просторах распадавшейся Российской империи под влиянием эмоций от ощущения национального краха и унижения в Бресте именно так и казалось. Перспективы будущей гегемонии Берлина по меньшей мере евразийского масштаба открывались действительно захватывающие. Многие были убеждены (даже если впоследствии не желали в этом признаться)¹⁷, что Германия преодолела проклятие войны на два фронта. Генерал П.И. Залесский, имея стойкую репутацию германофила, изумлялся, сколь недалеко-видно и жадно вела себя Германия на Украине в 1918 г.: «Немецкая дипломатия была ослеплена и ослепила других. Она уже катилась в пропасть, а по дороге зацепила с собой и Украину, и всю Россию, которую можно было еще в 1918 году остановить от опьянения собственной кровью!»¹⁸. Сходно мыслил командующий австрийскими оккупационными войсками в Одессе

¹³ Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 369–372.

¹⁴ Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017.

¹⁵ Это хорошо видно из его дневника, где автор – вопреки дальнейшей победе Антанты – сохранил детальные сведения о попытках временного альянса с Германией: Дневник П.Н. Милюкова / сост. Н.И. Канишева. М., 2004.

¹⁶ В том числе в контексте следующего раунда германской экспансии: Пленков О.Ю. III рейх. Социализм Гитлера (очерк истории и идеологии). СПб., 2004.

¹⁷ Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1925. С. 289–290.

¹⁸ Ген. Залесский П.И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 230–231.

фельдмаршал-лейтенант Э. фон Бёльц летом 1918 г.: продвижение германцев «в глубь России пагубно; это приведет к неминуемой катастрофе. Из-за непонимания Германией обстановки она погибнет сама и погубит окончательно нас»¹⁹. Штатский наблюдатель в Могилеве увидел у немцев дисциплину, но и усталость: Могилев был для них конечным пунктом — это же русская Ставка.²⁰

В недолгий период пика германской гегемонии на Востоке триумф империи обеспечивал широкий спектр реакций, не всегда сводившихся к былым симпатиям: от желания присоединиться к сильнейшему до категорического неприятия именно такого исхода войны и готовности сотрудничать с антигерманской коалицией, даже если Антанта за прежние годы вызвала отвращение. Для многих профессиональных военных и здравомыслящих наблюдателей германская победа летом 1918 г. и последующее долгое доминирование Германии казались реальным или даже неизбежным будущим. М.О. Меньшиков 10 (23) марта 1918 г. записал в дневнике: «Дух аристократии у немцев не слабее, а, пожалуй, посильнее, чем среди современных англо-франко-американцев»²¹. Генерал А.Е. Эверт рассуждал в дневнике 2 (15) апреля 1918 г.: «За последнее время немцы все одерживают успехи. Англичане вытесняются и, по слухам, уже вместе с бельгийцами садятся на суда, обсуждается вопрос возможности высадки немцев на территорию Англии. Это, конечно, более чем трудно выполнимо, если только английская армия окончательно не разложится. Во всяком случае, если англичане вытеснены, французы не в состоянии вести войну самостоятельно, и, следовательно, мир приближается, вероятно, за счет России, и немцы властители мира»²². П.Н. Краснов в частном письме через много лет писал: «Если бы не вступление Америки и не прибытие миллиона свежих войск — победа Германии была бы летом 1918 года»²³. Удивление и даже восхищение организованной силой германской армии весной—летом 1918 г. встречается у многих мемуаристов, переживших унижительный крах вооруженных сил. Это и молодой поручик Н.А. Раевский в Лубнах, и опытный генерал Ф.П. Рерберг в Севастополе, и многие иные.

Параллельно продолжало нарастать все более обоснованное недовольство, особенно в среде офицеров Генерального штаба, эксплуататорским отношением к России со стороны Антанты, теперь еще и перешедшей к оккупации под видом помощи, все менее походившей и на «приглашение», и на «соглашение»²⁴. А. Нокс вспоминал нелицеприятную стычку в октябре 1915 г. с П.П. Лебедевым²⁵, который вскоре станет одним из высших штабных специалистов РККА. Многие старшие офицеры видели слишком очевидные язвы русского военного руководства. Вариантом становилась готовность начать новое военное строительство пусть и в революционном антураже, но против торжествующего врага — Германии.

¹⁹ Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Т. II. Берлин, 1922. С. 64.

²⁰ Правобережная часть Могилева была занята польскими войсками 5–7 марта, переправы через Днепр не последовало вплоть до конца оккупации. Лишь в конце мая после разоружения корпуса Довбор-Мусницкого их сменили в городе германские части. См.: *Белевская М. (Летягина). Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918 гг. Личные воспоминания.* Вильно, 1932. С. 46–47.

²¹ М.О. Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1993. С. 52.

²² Ганин А., Эверт И. «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 249.

²³ Переписка генерала П.Н. Краснова. 1939–1945 гг. / ред.-сост. С.Ю. Василенко, И.В. Грибков, С.И. Дробязко. М., 2018. С. 118.

²⁴ Ряд сюжетов и новых интерпретаций пропагандистского оформления антантовской интервенции см.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019; *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 кн. / под ред. А.Ю. Павлова.* СПб., 2021.

²⁵ В его мемуарах есть и ряд иных эпизодов, указывающих на непростые отношения союзников: *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2021.

С третьей стороны, офицеры, насмотревшиеся на низовой большевизм и крушение всяческого порядка, уже весной 1918 г. оказались способны оценить усилия советского правительства по государственному и военному строительству и искоренению анархии. Штабные структуры, а с ними и элита офицерского корпуса — генштабисты, просто «по наследству» перешли большевикам. Многие из них не стали в условиях неопределенности и неоконченной войны покидать службу. Лишь по мере ужесточения внутренней политики СНК и под влиянием ходивших слухов о его скором крахе они неохотно вновь задались вопросом об изменении наиболее очевидного продолжения дальнейшей карьеры.

Своего рода соблазном вступить в РККА для национально мыслящего военного стала Завеса, организованная как прикрытие против возможного возобновления германского наступления в случае разрыва Брестского мира. Именно в Завесе до осени 1918 г. успели проявить себя: М.Д. Бонч-Бруевич (автор самой идеи), В.Н. Егорьев, Д.П. Парский²⁶, П.П. Лебедев, М.Н. Тухачевский, С.С. Каменев, И.И. Вацетис, И.Э. Якир, В.К. Путна, Г.Х. Эйхе, В.П. Глаголев, А.А. Свечин, А.Н. Де Лазари и многие другие. Среди этих офицеров были весьма отличившиеся и потом прочно забытые, как, например, Й.Г. Пехливанов²⁷. Талантливый офицер А.Е. Снесарев выбрал «свою войну», как бы параллельно большевикам, понимая нарушение немцами брестских условий (захват Донецкого бассейна) как повод к собственному участию в войне. Разумеется, в результате он вскоре оказался на службе в РККА. Пришлось окончательно связать свою судьбу с красными С.С. Каменеву (он успел умереть своей смертью в августе 1936 г.) и многим другим из тех, кто спустя десятилетия оказался захвачен репрессиями по делу «Весна», а затем пал жертвой чисток 1936—1939 гг. Хватает подобных примеров — решающего выбора в пользу власти, воспринятой как основная вопреки соучастникам раздела страны, — в самых различных регионах и из разных сфер военного аппарата. Генерал А.А. Таубе в Сибири, отказываясь от сотрудничества с белыми, объявил, что не желает служить интервентам. Генерал А.П. Востросаблин на Кушке охранял под красным флагом русские военные припасы в пограничной крепости, в том числе от британцев и их местных сателлитов. Мотивация понятна: красный флаг более чем эфемерен, но государственное достоинство в ситуации неопределенности необходимо отстоять. Генерал А.А. Маниковский просто остался при красных на посту, на котором он так много сделал в 1915—1917 гг. В сходной роли оказался и недавний военный министр интендант Д.С. Шуваев. Генерал Е.З. Барсуков сформулировал кредо таких людей: «Не служил нашим врагам, не служу и вам как принадлежащим к партии большевиков. Я всегда служил, служу и буду служить честно великому Русскому Народу, из которого я сам вышел»²⁸. Гвардейский генерал В.В. Нотбек в показаниях следственной комиссии при Ставке адмирала А.В. Колчака осенью 1919 г. представил впечатляющую картину переживаний и поступков группы офицеров и генералов Северного фронта, не покинувших службу, ставших «советскими» в интересах удержания фронта и декларировавших неучастие в делах междоусобных²⁹. Можно наблюдать даже «семейные» (отец — видный генерал и сын офицер) появления на советской службе — Д.С. и А.Д. Шуваевы, С.М., Е.С., А.С. Шейдемань, к той же категории в известной степени относятся и братья В.Д. и М.Д. Бонч-Бруевичи. В условиях государственного крушения советская власть могла пониматься как безальтернативная центральная власть в условиях продолжавшейся внешней войны. Разумеется, личные линии поведения даже в сходных обстоятельствах могли очень разниться. Генерал А.А. Самойло на переговорах с Леопольдом Баварским спорил погони и лампасы в соответствии с распоряжением

²⁶ См.: Ганин А.В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Т. 16. М., 2014. С. 205—294.

²⁷ См.: Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Т. 11. М., 2012. С. 255—336.

²⁸ Барсуков Е.З. Мое военное прошлое. Смоленск, 2018. С. 583.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 21. Л. 26—33 об.

СНК, а его коллега В.Е. Скалон застрелился, не в силах выдержать даже неделю обсуждения обретавшего пока самые общие черты будущего позорного мира.

Этические травмы преследовали целые категории офицеров. Гвардейцы после отречения императора превратились просто в памятное сообщество сослуживцев, ибо смысл и пафос существования гвардии полностью сориентирован на империю и фигуру монарха. Бесславное и бессильное их наблюдение за свержением монархии породило особый миф — о ничем не подорванной верности императору, который сосуществовал с очевидным фактом почти полного отсутствия практических проявлений этой верности между февралем 1917 г. и расстрелом в Ипатьевском доме. Такая психологическая травма и способы ее преодоления повлекли за собой весьма своеобразное поведение многих гвардейских офицеров в Гражданскую войну. Гвардейцы в Минеральных Водах летом 1918 г. не спешили к А.И. Деникину и проявляли мало интереса даже к самозащите, хотя потенциал монархического движения на курортах поначалу был очень высок, да и успехи А.Г. Шкуро и Я.А. Слашова давали все основания для военно-политической попытки, куда менее рискованной, чем легендарный Ледяной анабазис Добровольческой армии.

В условиях неопределенности и нового государственного и военного строительства неизбежно возникал пафос «первых начавших» — тех, кто руководствовался не воззрениями, а темпераментом, с трудом придавая ему соответствующую аргументацию. На белой стороне он проявился как в атаманском³⁰, так и орденско-офицерском («цветные» части на Юге — наиболее рельефный пример) варианте. Оба ломали существовавшие служебные иерархии и не принимали во внимание прежних заслуг. Зачинатели Белого движения еще до большевистского переворота оказались в положении бунтовщиков или людей с неопределенными полномочиями в условиях смены властей. «Быховцы» из-под ареста освободили себя фактически сами. Отряд М.Г. Дроздовского начал с неподчинения приказу о расформировании, ультиматума недавним союзникам и отправился в поход без ясных перспектив. А.Г. Шкуро с большими трудностями прибыл с далекого фронта с ядром своего партизанского отряда. Г.М. Семенов оказался в весьма условной командировке на далекой окраине и начал действовать на свой страх и риск. В актив молодых деятельных белогвардейских офицеров выдвинулись недавние войсковые партизаны Великой войны, которые в 1915–1917 гг. в лучшем случае решали тактические задачи. Старшим начальникам приходилось принимать иного уровня и менее очевидные решения и действовать в новой обстановке. Н.Н. Духонин отказался от идеи оборонять Ставку как последний узел управления, но не покинул места службы. А.М. Каледин как новоизбранный атаман пытался сымпровизировать донскую государственность, дав (неудачное) решение трагической проблеме казаков и иногородних в виде правительства паритета. Генерал Д.Г. Щербачев по апрель 1918 г. оставался на посту командующего фронтом, стремясь сохранить управляемую антибольшевистскую вооруженную силу, идя на непредставимые прежде национально-государственные компромиссы, а затем лавируя вместе с униженным Бухарестским миром и продолжающейся оккупацией Румынией. Сложнейшее решение пришлось принимать под давлением проантантовского донского генералитета П.Н. Краснову, подвергались едва ли не травле со стороны «верных союзникам» согласившиеся возглавить прогерманские Южную и Астраханскую армии генералы В.В. Семенов и пользовавшийся высочайшим авторитетом Н.И. Иванов.

Множество офицеров, не попавших физически под каток революции, продолжало мыслить и действовать зимой—весной 1917–1918 гг. в парадигме военной и политической субординации. Так, подполковник В.М. Молчанов занимался эвакуацией инженерного имущества и попал в плен в феврале 1918 г. После освобождения он отправился в родные места, и вскоре началась его повстанческая, а затем и белая служба. А.В. Черныш только

³⁰ См.: «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие и кадры / под ред. А.В. Посадского. М., 2015.

в мае 1918 г. выехал из Радзивилова, где он номинально командовал 105-й пехотной дивизией и был начальником штаба 32-го армейского корпуса. Вот тут и возникли вопросы о дальнейшей судьбе: в Орёл к семье (через большевистский фронт) или на юг, «где что-то делалось», с запасным вариантом отхода в Ейск к родителям³¹. На наиболее сохранившемся Румынском фронте генерал Ю.Ю. Белозор, командир 2-й Кишиневской добровольческой бригады, получил от полковника М.Г. Дроздовского предложение возглавить общий отряд. Белозор отказался, сославшись на приказ штаба фронта, который освобождал всех от обязательств, данных по подписке, и призвал не доверять «безумному плану Дроздовского». Генерал А.В. Асташев, предшественник Белозора на должности командира бригады, также агитировал против выступления из Ясс на Дон. При этом и Асташев, и Белозор — выдающиеся боевые генералы, которых трудно упрекнуть в инертности или нерешительности. Они мыслили в логике приказа, субординации и рационального военного планирования.

Таким образом, на рубеже 1917–1918 гг. и с началом скоротечной кампании 1918 г. на Восточном фронте (операция «Фаустшлаг») национальная и даже имперская мотивация могли направить офицеров к сотрудничеству с советской властью, а национально-революционный пафос продолжения борьбы с «коварным врагом» поднимал первые белогвардейские фронты. Показательно разошлись по противоборствующим лагерям инициаторы создания революционных батальонов из волонтеров тыла: подполковник В.К. Манакин стал одним из первых деятелей Белой гвардии³², а капитан М.А. Муравьев — красным комфронта. И все же на грани почти невероятного патриотического красно-белого альянса против иноземных захватчиков оказывались подразделения по меньшей мере летом 1918 г. на Кубани: сначала в попытке перейти в наступление под Батайском и высадить десант под Таганрогом, затем в попытках краскома А.И. Автономова добиться сплочения офицерства (в том числе Слашова и Шкуро) ради прекращения междоусобной войны под антигерманскими лозунгами.

В других регионах, особенно надежно защищенных от Центральных держав расстояниями, антантовская ориентация казалась долгое время особенно выгодной. В логике войны с Германией даже непростое и нерегулируемое появление союзников на территории России воспринималось как приход именно союзных сил. Как, например, раннее появление англичан на Мурмане по соглашению с местным Советом, остававшимся до июня 1918 г. лояльным ленинскому правительству. Сказывались и более сложные политические стереотипы и маркеры возможных партнеров. Для эсеров чехи — прежде всего «демократы» и потому союзники. Курьезно, что под властью КомУча писались листовки от демократов-чехов к демократам-латышам³³, — истерзанный гнетом немцев народ звали под знамена свободы, что возымело практические следствия: был создан Имантский полк.

Для особой категории офицеров немцы — даже как непростые гости — были по меньшей мере «своими», ибо несли защиту по этническому признаку. Это вовсе не означало готовности немедленно отказаться от российского прошлого и надеть кайзеровский мундир, хотя и такой вариант изредка встречался (полковник В. Теслев). Далеко не всегда сторонниками максимально широких аннексий Германии были даже те из уроженцев Российской империи, кто давно выбрал германскую сторону в Великой войне. Вполне типичный пример приводил В.М. Молчанов: остзейский барон служил в немецкой армии

³¹ Черныш А.В. На фронтах Великой войны. Воспоминания 1914–1918. М., 2014. С. 189–190.

³² См.: Посадский А.В. В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М., 2018.

³³ См.: Екабсонс Э., Щербинский В. Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России 1917–1920 гг. // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX — 30-е гг. XX в. М., 2000. С. 79–97.

унтер-офицером и при этом рассуждал, что Прибалтийский край немцам не вернуть³⁴. Для кого-то же японцы в Приморье, англичане в Баку, Туркестане и на Мурмане — корыстные интервенты, которым надо противостоять, не стесняясь узурпаторским статусом советской власти.

Особая глава с заключением перемирия, а затем мира началась для тысяч русских офицеров, оставшихся в германском плену и испытывавших с каждым месяцем все большее давление ради дезинтеграции по национальному признаку. «Национальные акции» германских специалистов по революционизированию начались в лагерях еще в 1915 г., но под ударом информационного вакуума, прекращения всякой помощи, обрыва связи с родиной после революции и без того пошатнувшаяся прежняя политическая опора офицерства стала опасно крениться в сторону поисков выхода из лагеря любой ценой и под любым флагом.

Война и революция давали возможность ожить самым разным представлениям и фобиям в отношении «германца». Быстрое и драматичное расширение зоны Первой германской оккупации, несшее на себе отпечаток последнего и отчаянного усилия Центральных держав найти ресурсы на финальную кампанию Великой войны, стало новым, пусть и краткосрочным, этапом в истории взаимоотношений немецкого народа и населения Восточной Европы³⁵. Обе стороны лишь в 1918 г. смогли получить по-настоящему свежий опыт общения друг с другом, бывший — что неизбежно при оккупации — в лучшем случае неоднозначным.

Для тех местностей, по которым прошла волна «первого большевизма» — Крым, Киев, Минск, города Новороссии и Прибалтики, — немцы явились элементом порядка и были лояльно встречены городским населением. В занятом Пскове немцы быстро наладили товарообмен: шнапс, фонарики и т.п. на масло, муку, ситец. Горожане жалели, что Россия не продержалась еще несколько месяцев, так как жадность, с которой немцы набрасывались на русский ситец, наглядно демонстрировала тяжелое положение недавнего противника³⁶. Такие же деловитость и сметливость проявлялись и на Юге, о чем выразительно пишет Н.А. Раевский³⁷.

Линия демаркации после Брестского мира стала притягивать беженцев из Советской России, что нашло отражение в мемуаристике, так как среди бежавших было немало людей из высшего общества³⁸. Описаны сцены беззакония и жестокости чекистов (Ф. Хайкина на станции Унеча) и доброжелательно-коррупционные схемы перехода границы на стороне немцев и гетманских властей³⁹. Оккупированный немцами курский Рылск с уездом, оказавшись на линии демаркации после боевых действий в апреле 1918 г., хлопотал о присоединении к Украинской державе и был причислен к Черниговской губернии как повет. Большевизм пугал население больше, чем немцы и гайдамаки⁴⁰. Подобным образом старались попасть в «Украину» оказавшиеся на советской территории части северных уездов Черниговской губернии⁴¹.

Приспособление к новым реалиям, продолжительности которых тогда (в апреле—июле 1918 г.) точно оценить никто не мог, вызывало эмоциональную реакцию, сохраненную — в угоду победившей Антанте — в немалой части будущей эмигрантской

³⁴ Молчанов В.М. Борьба на Востоке России и в Сибири // Белая гвардия. Альманах. № 1. М., 1997. С. 47.

³⁵ См., напр.: Ланник Л.В. После Российской империи. СПб., 2020. С. 23–32.

³⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 426. Л. 8 об. — 9 об.

³⁷ См.: Раевский Н.А. 1918 год. М., 2020.

³⁸ См., например, о бегстве из Советской России с описанием пересечения демаркационной линии: Трубецкой Е.Н. Из путевых заметок беженца // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1927. С. 137–207.

³⁹ Князь Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания 1889–1959. Нью-Йорк, 1959. С. 123–124.

⁴⁰ См.: Бугров Ю.А. Рылск. 1918 г. // Курский край. 2001. № 1 (15). С. 42–50.

⁴¹ Еткина И. О потере Украиной северных территорий Черниговской губернии // Новости Чернигова. 3.XI.2017.

мемуаристикой. Хрестоматийным здесь является пример истинной истории организации снабжения «верной» союзникам Добровольческой армии и ее отношений с «предателями» и расчленителями России П.Н. Красновым и П.П. Скоропадским. И.Л. Солоневич писал: «Люди, которые удирали под защиту гетмана Скоропадского и поддерживавших его немецких штыков, в том числе и П.Н. Милюков, здесь же, в Киеве, обливали грязью и Скоропадского, и немцев... Сотни тысяч русской интеллигенции были спасены немецкими штыками. Десятки тысяч были вывезены из Петербурга и Москвы экстерриториальными “державными поездами”... Сенаторы и гвардейцы, инженеры и профессора... перекочевывали в Киев и там плотно, всем своим седалищем, усаживались на союзную платформу»⁴². Генерал Залесский писал, что Украина под немецкой оккупацией «сделалась вдруг культурным оазисом России», где можно было жить не под угрозой прямого грабежа и неперемного голода, как в большевистской России. Краю нужен был «порядок, а не споры о монархии, республике, автономии и т.п.». Однако легкомыслие и недобросовестность русской бюрократии и буржуазии не позволили реализовать очевидно необходимые мероприятия. Генерал был убежден, что «без помощи немцев и Дон, и Деникин были бы раздавлены большевиками еще весною 1918 года. Вообще немецкая оккупация Украины в 1918 году сильно помогла антибольшевикам»⁴³. Эта оценка вполне подтверждается масштабами военной помощи и организацией транзита офицерских кадров на Дон, а в действительности зачастую — в Добровольческую армию, т.е. к сторонникам, что прежде резко осуждали и Краснова, и Скоропадского, и тем более интервенцию Центральных держав.

Добровольческая армия понимала себя как «единственный оплот национального возрождения и единственную носительницу идей Неделимой и Единой России» в противовес тем политическим группам, «которые видят спасение из рук Германии и улыбку возрождения России из рук императора Вильгельма». Некоторое время тешились иллюзиями, что «германский “vorwärts” остановлен у Батайска»⁴⁴, хотя на деле передовые отряды кайзеровского корпуса Кнёрцера некоторое время взаимодействовали с восставшими казаками и отрядом Дроздовского при захвате Ростова-на-Дону и его окрестностей, что вызвало острое недовольство Деникина, поспешившего ликвидировать возможности для дальнейших прямых контактов. По мнению М.А. Свечина, решение А.И. Деникина об уходе на Кубань (Второй Кубанский поход) было ошибочным — дало Красной армии время организовать, не позволило удержать Волжский фронт и связаться с восточными очагами Белого движения⁴⁵. Крупные успехи добровольцев с выходом к Екатеринодару к середине августа поставили ребром вопрос об ориентации превратившейся в по меньшей мере региональную силу Добровольческой армии. Демонстративный отказ Деникина (и поначалу Алексеева) от прямых и тем более открытых контактов с германскими эмиссарами (например, с майором Ф. фон Кохенгаузенем в Новочеркасске) побудил последних к активизации средств давления и попыткам мотивировать лидеров Белого движения на Юге России к изменению этой позиции хотя бы на компромиссную. В ином случае Германия могла перейти к действительно последовательной реализации очередной сделки с большевиками — согласованного с огромным трудом 27 августа Добавочного договора. Ради этой сделки, проводимой главой германской дипломатии П. фон Хинтце,

⁴² Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 41–42.

⁴³ Ген. Залесский П.И. Указ. соч. С. 226–228.

⁴⁴ Иловыйский В. Год пути (жизнь Добровольческой армии). Ростов-на-Дону, 1919. С. 17–19. Неудача под Батайском в ходе спешного германского наступления действительно последовала 9–10 мая. Однако уже 30–31 мая Батайск был взят германскими войсками без существенных затруднений, после чего фронт снова стабилизировался без какой-либо разрядки напряженности. Германские документы до сих пор не публиковались. См. одно из немногочисленных описаний: Украина — 1918. Взгляд из Германии / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2018. С. 104–135.

⁴⁵ Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 187.

стали тормозиться и даже публично пресекаться отправки офицерских эшелонов с Украины. В неофициальных гарантиях советскому руководству Германия шла еще дальше⁴⁶. В конце сентября Деникин получил сведения, что в августовском секретном соглашении Германии с большевиками наличествовал пункт о подавлении «мятежа генерала Алексева», а при невозможности сделать это советскими силами — о непротивлении продвижению для этой цели германских войск⁴⁷. Такие новости могли только усиливать германофобию Деникина и его окружения. Параллельно этому и вполне сознательно вопреки указаниям из центра военные германские эмиссары на местах — в Киеве, Новочеркасске, Севастополе — продолжали убеждать офицеров и ходатаев к генералу М.В. Алексееву (например, адмирала Д.В. Ненюкова и дипломата Г.Н. Трубецкого) в том, что официальное сотрудничество Германии с Советской Россией вовсе не означает прекращения помощи антибольшевистским силам, так что совместная работа по их консолидации и закреплению за ними Северного Кавказа, а затем и Поволжья вполне возможна.

С развитием на просторах России революционного процесса вести дела по-прежнему никто из мировых держав не мог: нужна была конкретная позиция по «русскому вопросу». Это понимали все, однако раскол во мнениях постиг эмиссаров едва ли ни всех держав, обладавших развитой сетью агентов влияния на одной шестой части суши. С рисками, рассчитывая по несколько вариантов, действовали и союзники, и Германия, и даже ее младшие партнеры. Темп развития событий и плохо предсказуемая позиция местных акторов не позволяли рассчитывать на успех любых комбинаций. Выступление чехословаков и высадка японцев на Дальнем Востоке весной 1918 г., например, резко усилили для Германии потребность в РСФСР как буфере от гипотетически возможного нового Восточного фронта. Эту потребность не могли поколебать убийства Мирбаха, Эйхгорна и даже императорской фамилии, равно как и многочисленные эксцессы вдоль демаркационной линии. Выбор офицерства между основными державами нарождавшегося после Бреста нового порядка в Восточной Европе осложнялся национальным расслоением, провоцированием которого, в основном безвыигрышным, занимались едва ли не все военно-политические силы. Даже победившие в войне за независимость государства-лимитрофы еще многие годы вынуждены были страдать от раскола в военных элитах, чреватого вспышками гражданской войны, переворотами и военными диктатурами с местной версией «ночи длинных ножей».

Ряд этносов на западных и южных окраинах Российской империи был на разных участках пути к складыванию в нации, что всегда являлось темой активной мифологизации данных процессов. Это осложняет вопрос о соотношении национальных мотиваций (как «за», так и «против»), карьерных соображений и силы обстоятельств в формировании линий поведения офицеров — представителей нерусских народов. При этом заметны персоны, которые активно участвовали в белой или красной борьбе, не желая или не стремясь попасть в национальные формирования. Например, поляки Е. Урбанковский у белых и И. Дзевалтовский у красных, артиллерийский подполковник Н.Р. Мгалобелов, отказавшийся от карьеры в армии «кукурузной республики» в пользу белой армии⁴⁸, и ряд других. Характерно, что многие из героизированных впоследствии в национальных мифах отцов вооруженных сил новых независимых государств — К. Маннергейм, И. Лайдонер, С. Жуковский, И. Балодис, Ю. Довбор-Мусницкий, Ю. Халлер и другие, включая И. Вацетиса и многих

⁴⁶ См. детали взаимных секретных обязательств, согласованных к концу августа 1918 г.: *Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

⁴⁷ *Комендоровский И.Н.* Добровольческая армия в боях и походах. Кн. 2. Первые победы. Т. 1. Второй Кубанский поход. 10.VI — 18.IX.18 г. М., 2020. С. 87.

⁴⁸ *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 27–128.

его ближайших соратников — в первой половине 1918 г. рассматривали самые различные варианты своей дальнейшей судьбы, отдавая предпочтение вовсе не национальному движению, а действительно перспективному реставрационному проекту. Но найти таковой удавалось крайне редко по объективным причинам, а потому выбирали более спонсируемую обеими воюющими коалициями национальную карту. Такая опция была доступна или минимально допустима далеко не для всех, а некоторым в возможности воспользоваться таким вариантом было отказано по инициативе активизировавшихся на всех национальных окраинах местных шовинистов. В этом случае выходом становились действия в рамках тех опор прежней этики, что позволяли оправдать сделанный, но предосудительный в глазах сослуживцев, выбор хотя бы в собственных глазах.

Психологический фактор часто парализовал любые усилия, однако оправдания этому искали в отсутствии этических приемлемых вариантов, не забывая ссылаться и на невозможность «измены союзникам». Русское офицерство весной 1918 г. было дезорганизовано, тяжело разочаровано в русском солдате, русском народе в целом. Об этом пишет, например, Раевский. «Шкурничество» многих офицеров, о котором с такой горечью писали белые добровольцы, имело истоком и это ощущение разбитости и безнадежности. Офицеры, не способные служить большевикам, но не имевшие гражданской специальности, прежде всего кадровые, оказывались с окончанием войны в самом безрадостном положении. Например, во Пскове в начале 1918 г. возникла офицерская артель грузчиков, она же офицерская организация. С приходом немцев началась регистрация офицеров, и откликнувшиеся на нее неожиданно для себя были отправлены в Германию как военнопленные⁴⁹. Многие оставшиеся на оккупированных в феврале—июне 1918 г. территориях «великорусские», т.е. не ассоциировавшие себя ни с одним из лимитрофов, офицеры вынуждены были рассчитывать только на пенсии или пособия, в том числе выплачиваемые оккупационными властями. Офицеры национальных частей, которые выступили союзниками Центральных держав в ходе операции «Фаустшлаг», например эстонские, были шокированы быстрым и бесславным роспуском несостоявшейся армии новыми старшими партнерами⁵⁰. Еще более масштабная драма постигла остатки формировавшихся трех Польских корпусов бывшей русской армии. Истощение от войны, в основном психологическое, доходило до чувства обреченности любых усилий, тревога за разделенные новыми труднопреодолимыми рубежами семьи и другие гуманитарного и даже антропологического рода соображения исключали колебания не только внешне-, но и внутривнутриполитические. Если бы не все более жесткие принудительные меры, особенно большевистского правительства, процент офицеров, в том числе кадровых, продемонстрировавших политический и гражданский абсентеизм, доходивший до отказа от остатков бывлой идентичности, а то и деконструкции личности, оказался бы шокирующе высоким. К данной категории следовало бы отнести и всех тех бывших офицеров, кто пытался сохранить нейтралитет любой ценой, не столько дистанцируясь от братоубийственной войны, сколько избегая всякого напряжения, кроме защиты узкопонимаемых «своих». Именно этому слою офицерства пришлось пройти наиболее тяжелую психологическую травму навязанного в последний момент выбора, чреватого мало предсказуемыми и часто кажущимися совершенно нелогичными переходами на ту или иную сторону.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 426. Л. 2–4, 5–8 об. Источники по германскому оккупационному режиму в Пскове достаточно скудны, одним из немногих, где есть определенное сочувствие русским офицерам, но ни слова об их пленении и вывозе, является дневник командира 37-й ландверной бригады генерала Ф. фон Шербенинга: Bundesarchiv-Militärarchiv. M5g 2/13573. Aufzeichnungen von F. von Scherbening. См. также: *Калкин О.А.* На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах — участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003; *Реджи.* Антанта, немцы и русская Добровольческая армия / под ред. Л.В. Ланника. М., 2015.

⁵⁰ См.: *Ланник Л.В.* Весенний дивертимент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 1 (17). С. 25–41.

В конце 1917–1918 г. довольно много офицеров на «старой» службе и в РККА вовлеклось в разного рода военно-политические кружки и подполье. В этой среде вопрос о «смене кокарды» мог считаться вопросом завтрашнего дня. Идея «перехвата» красных формирований и перевода их на белую сторону родилась весьма рано и в стане правых. Она воодушевляла деятельность Н.Е. Маркова-2-го и его «Союза верных», А.Л. Носовича в Царицыне, была мотивом для А.В. Шварца в Петрограде и многих других⁵¹. В числе рязанских белых подпольщиков было три полковника на красной службе. Один из них — широко известный В.В. Котомин, перешедший на Восточном фронте к белым. Другой — В.В. Пермяков — при отсутствии всякой связи с белыми продолжил свою советскую службу и закончил ее полковником Красной армии, заместителем командующего армией⁵². По сообщению генерала Носовича, один из его сотрудников по разведывательной работе в РККА так же остался у красных и успешно продолжил службу⁵³. Есть сложные судьбы, в которых трудно уследить за логикой поведения без выяснения нюансов биографии и сопутствующих контекстов. А.Д. Хомутов — гвардеец-измайловец, сотрудник генерала Маркова-2-го, монархист-легитимист — в дальнейшем сотрудник НКВД⁵⁴.

Многочисленная мемуаристика и не менее объемные запасы неопубликованных рукописей воспоминаний убеждают, что сколь угодно опытные и высокопоставленные офицеры оценивали происходящие события лишь в рамках им доступного и желаемого, что в ряде случаев неприятно удивляет низким качеством анализа и отсутствием политического прагматизма. Героизируемая впоследствии их «прозорливость» или якобы отчаянная подпольная деятельность — а порой и то, и другое (как у А.А. Брусилова, например) — часто прикрывали неприглядные будни физической или психологической недееспособности. Очень многие из авторитетных старших начальников и недавних героев фронтовых операций теперь пытались оптимизировать любые доступные ресурсы личного и семейного благополучия, игнорируя возмущение бывших коллег и усиливая всеобъемлющий кризис доверия по разным линиям, включая поколенческую. Однако объяснения и в этом случае нередко сводились к «продался немцам/большевикам» или «помогает союзникам делить Россию» и т.д.

В ходе Гражданской войны нередки были и уникальные личностные превращения. Генерал-республиканец осенью 1917 г. М.К. Дитерихс стал мистически настроенным монархистом к 1922 г. Многие зависело от времени начала военно-политической активности, от обстоятельств жизни и службы, полученных впечатлений. Командовавший гвардейскими соединениями генерал В.М. Безобразов 28 февраля 1917 г. пытался ободрить генерала С.С. Хабалова и побудить к активным действиям в Петрограде, но далее в активной борьбе не участвовал и покинул страну. Можно привести много особенно рельефных, но всегда штучных примеров, с трудом поддающихся систематизации и обобщениям, но и не позволяющим игнорировать подобные явления как «исключения», не заслуживающие места в общем анализе дезинтеграции офицерства по различным ориентациям и предложениям.

Проблематика «ориентаций» в Гражданской войне в России и комплексе иных конфликтов на постимперских пространствах подразумевала две главнейшие ориентации — австрогерманскую и союзническую, хотя были возможны и другие, специфические локальные варианты. Тяжелейший выбор между пока не определившимися претендентами на мировое господство для офицеров разложившейся армии вовсе не исчерпывался

⁵¹ Тарасов К.А. Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март–июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69.

⁵² Ганин А.В. Рязанская белая гвардия // Белая армия. Белое дело. № 26. Екатеринбург, 2019. С. 5–8.

⁵³ Носович А.Л. Н845 Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021. С. 18–19.

⁵⁴ В базе данных «Мемориала» как кадровый сотрудник НКВД не фигурирует.

периодом между свержением Временного правительства, освободившим от любой присяги, и очевидным крахом Центральных держав в октябре–ноябре 1918 г. Компьенское перемирие лишь на первый взгляд поставило точку в вопросе об основном партнере в антибольшевистской борьбе, как и в героизируемом советской историографией лавировании советского правительства в рамках «гибкой ленинской внешней политики». Быстрый крах надежд на сокрушительный триумф Антанты и поддерживаемых ею сил, зафиксированный в известной фразе на изразцах в квартире Турбиных из «Белой гвардии», и свертывание интервенции, в том числе в Причерноморье уже весной 1919 г., придали проблеме выбора внешнеполитической ориентации другой статус, породивший ряд локальных эпопей — проекты генералов В.И. Гурко и В.В. Бискупского, бермондтовскую авантюру в Прибалтике, специфические комбинации с участием «русофильских», т.е. монархических, кругов в Финляндии или попытки Врангеля заключить альянс с уже хортистской Венгрией. Тот или иной выбор и после победы Антанты и даже подписания Версальского мира 28 июня 1919 г. вовсе не исключал симпатий к немцам, германским офицерам, пережившим схожую трагедию, и Германии как возможному или наилучшему союзнику для России в антибольшевистской среде⁵⁵. Мощная германофильская прослойка сохранилась и среди офицеров, пошедших на службу и сделавших карьеру в РККА, что стало впоследствии одним из поводов к репрессиям 1930-х годов.

Отношение русских офицеров — как кадровых, так и надевших погоны лишь в ходе Первой мировой войны — к Германии с конца 1917 г. до Компьенского перемирия и далее, до вступления в силу в январе 1920 г. Версальского договора, определялось рядом разнотипных обстоятельств. Во-первых, более или менее отрефлексированное германо-, англо- или франкофильство в культурно-бытовом, отчасти политическом смысле давно было принадлежностью русского образованного человека. Во-вторых, война продемонстрировала удивительно высокие качества германской военной машины и вызвала очень почтительное отношение к германцу — сильному противнику и возможному надежному союзнику. В-третьих, после революции неблагородный союз Германии с большевиками создал представление о «германо-большевизме» и актуализировал негативные стереотипы о Германии и немцах. В данных координатах в конце 1917 — второй половине 1919 г. и происходило самоопределение многих офицеров по обстоятельствам места и личной судьбы. Приведенные выше примеры, касающиеся крупных и известных имен, должны умножаться на тысячи офицерских судеб, которые складывались под влиянием различных мотивов и условий. Их иллюстративность и пестрота не являются причиной для отказа от анализа массовых явлений, отразившихся на ходе дезинтеграции русского офицерства.

Факторы ориентации, с одной стороны, едва ли не очевидны, с другой — неизменно действовали в совокупности, определяя траекторию конкретной офицерской судьбы. Они почти никогда не прослеживаются в мемуаристике или в соответствующих аналитических записках (германской, антантовской, белогвардейской или большевистской стороны) сколько-нибудь системно, однако даже при предубеждении в адрес любых воспоминаний следует признать, что на основе их вполне возможно составить целостное представление об их наборе, а также о том, что именно определяло их иерархию на единичном, групповом или локальном уровнях. Важно учитывать и базовые массовые психологические явления, например то, что завершение, пусть непобедное и смазанное, неслыханно тяжелой войны предопределяло сильное тяготение домой, к семьям для всех категорий офицерского корпуса прежней русской армии. Уже одно это заставляло реагировать на любые проантантовские призывы продолжить войну с «тевтонами» с раздражением и попыткой найти оправдание своей «измене» за счет предшествующих обид и претензий.

⁵⁵ Прибалтика между двумя революциями / пер. с нем. Л.В. Ланника; комм. и вст. ст. Л.В. Ланника, Н.В. Лаврентьева. СПб., 2021.

Утрата имперской государственности дезорганизовала прежде всего служилые слои, намертво привязанные к государственности с культивируемой много лет «аполитичностью». Куда свободнее ориентировались люди с подпольно-политическим бэкграундом, эсеры прежде всего. Национальная мотивация, вкупе с иными факторами, могла вербовать в ряды новых государственных образований офицеров соответствующего происхождения.

Факт раскола и разнообразных недоразумений очевиден, однако был ли он связан именно с теми позициями, которые впоследствии — особенно в эмиграции в странах Антанты — так выпячивались на первый план? Амбивалентность истинных мотивов и намерений таких «убежденных сторонников Соглашения» (как Алексеев, Деникин, даже Колчак и Дутов) еще предстоит раскрыть на базе новых архивных документов. Однако уже сейчас следует признать внешнеполитические «ориентации» весьма важным индикатором комплекса личных обстоятельств представителей офицерства, степень искренности которого не позволяет воспринимать его буквально, а требует тщательной реконструкции набора и соотношения факторов сделанного, тем более временно и частично, выбора в пользу той или иной воюющей коалиции, стороны в Гражданской войне или места последующей эмиграции.

Значимость анализа факторов и нюансов диссоциации офицерства бывшей Русской императорской армии не исчерпывается уточнением расстановки сил и тенденций в истории Гражданской войны и комплекса связанных с ней конфликтов на постимперских пространствах, определивших историю Восточной Европы межвоенного периода. В нем кроются ответы на многие вопросы по истории Первой русской эмиграции, унаследовавшей раскол «ориентаций» и не сумевшей его преодолеть до начала Второй мировой войны. Более того, он оказался институционализирован немедленно, как только появились заинтересованные в этом силы, и эмиграция вынуждена была вновь расколоться из-за вопроса о приемлемости сотрудничества с Третьим рейхом или с СССР (реже — с другими странами антигитлеровской коалиции или державами Оси) ради «Второй Гражданской». К этой эскалации мотивировала и беспощадная борьба с военным крылом эмиграции советских спецслужб, воспользовавшихся едва ли ни каждым из рассмотренных выше мотивов в политической ориентации офицерства, оказавшегося заложником хода событий за пределами Родины. Финал голгофы имперского русского офицерства, вновь разошедшегося по разные линии фронта в новой мировой войне, еще не разрешив для себя политических вопросов предыдущей, последовал в 1945–1946 гг.: в лагерях перемещенных лиц, в выдаче СССР или при арестах на занятых Красной армией территориях, а также в тонкой струйке решившихся на репатриацию идейно, в надежде на преобразившуюся и — как им хотелось думать — готовую их принять новую-старую Россию.

Библиография

- Айрапетов О.Р.* Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник. Т. 8. М., 2010. С. 112–144.
- Аксенов В.А.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М., 2020.
- «Атаманичина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие и кадры* / под ред. А.В. Посадского. М., 2015.
- Барсуков Е.З.* Мое военное прошлое. Смоленск, 2018.
- Буров Ю.А.* Рыльск. 1918 г. // Курский край. 2001. № 1 (15). С. 42–50.
- Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.
- Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999.
- Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 кн.* / под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2021.
- Гарин А.В.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Т. 11. М., 2012. С. 255–336.

- Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013.
- Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М., 2018.
- Ганин А.В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Т. 16. М., 2014. С. 205–294.
- Ганин А.В. Рязанская белая гвардия // Белая армия. Белое дело. № 26. Екатеринбург, 2019. С. 5–8.
- Ганин А., Эверт И. «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволutionный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 220–277.
- Ген. Залесский П.И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925.
- Екабсон Э., Шербинский В. Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России 1917–1920 гг. // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX –30-е гг. XX в. М., 2000. С. 79–97.
- Еткина И. О потере Украиной северных территорий Черниговской губернии // Новости Чернигова. 3.XI.2017.
- Залюбовский А.П. Снабжение русской армии в Великую войну ружьями, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936.
- Иловайский В. Год пути (жизнь Добровольческой армии). Ростов-на-Дону, 1919.
- Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988.
- Калкин О.А. На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах – участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003.
- Комендровский И.Н. Добровольческая армия в боях и походах. Кн. 2. Первые победы. Т. 1. Второй Кубанский поход. 10.VI – 18.IX.18 г. М., 2020.
- Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.
- Ланник Л.В. Весенний дивертизмент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 1 (17). С. 25–41.
- Ланник Л.В. После Российской империи. СПб., 2020.
- Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.
- Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
- Молчанов В.М. Борьба на востоке России и в Сибири // Белая гвардия. Альманах. № 1. М., 1997. С. 45–49; № 2. М., 1998. С. 33–38.
- Носович А.Л. Н845 Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021.
- Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2021.
- Павлов А.Ю. Союзники и противники: франко-русский союз в 1918 г. // Исторические исследования. 2020. № 15. С. 227–236.
- Посадский А.В. В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М., 2018.
- Прибалтика между двумя революциями / пер. с нем. Л.В. Ланника; комм. и вст. ст. Л.В. Ланника, Н.В. Лаврентьева. СПб., 2021.
- Раевский Н.А. 1918 год. М., 2020.
- Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия / под ред. Л.В. Ланника. М., 2015.
- М.О. Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1993. С. 1–271.
- Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орёл, 2006.
- Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.
- Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.
- Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
- Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М., 2001.
- Тарасов К.А. Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март–июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69.
- Трубецкой Е.Н. Из путевых заметок беженца // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1927. С. 137–207.
- Украина – 1918. Взгляд из Германии / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2018.
- Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.
- Черныш А.В. На фронтах Великой войны. Воспоминания 1914–1918. М., 2014.

References

- “Atamanshchina” i “partizanshchina” v Grazhdanskoj vojne: ideologija, voennoe uchastie i kadry [“Atamanshchina” and “partisanshchina” in the Civil War: ideology, military participation and personnel] / ed. A.V. Posadsky. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Ajrapetov O.R. Nemeckij pogrom v Moskve v ijune 1915 g. v kontekste boev na vneshnem i vnutrennem fronte [The German pogrom in Moscow in June 1915 in the context of the battles on the external and internal front] // Russkij Sbornik [Russian collection]. T. 8. Moskva, 2010. S. 112–144. (In Russ.)
- Aksenov V.A. Sluhi, obrazy, jemocii. Massovyje nastroenija rossijan v gody vojny i revoljucii [Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the years of war and revolution]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Barsukov E.Z. Moe voennoe proshloe [My military past]. Smolensk, 2018. (In Russ.)
- Bugrov Ju.A. Ryl'sk. 1918 g. // Kurskij kraj [Kursk region]. 2001. № 1 (15). S. 42–50. (In Russ.)
- Chernov V.M. Pered burej [Before the storm]. New York, 1953. (In Russ.)
- Chernysh A.V. Na frontah Velikoj vojny. Vospominanija 1914–1918 [On the fronts of the Great War. Memoirs of 1914–1918]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Ekabsons Je., Shchrbinskis V. Uchastie latyshej v voennyh formirovanijah belyh vo vremja Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1920 gg. [Participation of Latvians in White military formations during the Russian Civil War of 1917–1920] // Rossija i Baltija. Narody i strany. Vtoraja polovina XIX – 30-e gg. XX v. [Russia and the Baltic States. Peoples and countries. The second half of the 19th – 30th of the 20th century]. Moskva, 2000. S. 79–97. (In Russ.)
- Etkina I. O potere Ukrainoj severnyh territorij Chernigovskoj gubernii [About the loss of the northern territories of Chernihiv province by Ukraine] // Novosti Chernigova [Chernihiv news]. 3.XI.2017. (In Russ.)
- Ganin A., Evert I. “Ja sluzhil, no progljadel zhizni' s ee radostjami”. Poslerekoljucionnyj dnevnik i tjuremnye pis'ma generala A.E. Everta. 1918 g. [“I served, but I overlooked life with its joys”. The post-revolutionary diary and prison letters of General A.E. Evert. 1918] // Zhurnal Rossijskij i vostochnoevropejskij istoricheskij issledovanij [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2019. № 1 (16). S. 220–277. (In Russ.)
- Ganin A.V. Bolgarin, zashchitivshij Rossiju: cud'ba Jordana Pehlivanova [The Bulgarian who defended Russia: the fate of Yordan Pehlivanov] // Russkij sbornik [Russian collection]. T. 11. Moskva, 2012. S. 255–336. (In Russ.)
- Ganin A.V. “Mozg armii” v period “Russkoj Smuty”: stat'i i dokumenty [The brain of army during the Russian Civil War: articles and documents]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Ganin A.V. Oficerskij korpus v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 [Officer Corps during the Civil War in Russia 1917–1922]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Ganin A.V. Pervyj krasnyj boevoj general: Dmitrij Pavlovich Parskij [The first Red combat General: Dmitry Pavlovich Parsky] // Russkij sbornik [Russian collection]. T. 16. Moskva, 2014. S. 205–294. (In Russ.)
- Ganin A.V. Rjazanskaja belaja gvardija [Ryasan white guard] // Belaja armija. Beloe delo [The white army. White matter]. № 26. Ekaterinburg, 2019. S. 5–8. (In Russ.)
- Gen. Zaleckij P.I. Vozmezdje (Prichiny russkoj katastrofy) [Retaliation (Causes of the Russian catastrophe)]. Berlin, 1925. (In Russ.)
- Ilovajskij V. God puti (Zhizn' Dobrovol'cheskoj Armii) [The Year of the Journey (The Life of the Volunteer Army)]. Rostov-na-Donu, 1919. (In Russ.)
- Kalkin O.A. Na mjatezhnyh rubezhah Rossii. Oчерки o pskovichah – uchastnikah Belogo dvizhenija na Severo-Zapade v 1918–1922 gg. [On the rebellious borders of Russia. Essays on Pskov residents – participants of the White Movement in the North-West in 1918–1922]. Pskov, 2003. (In Russ.)
- Kavtaradze A.G. Voennye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg. [Military specialists in the service of the Soviet Republic]. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Kocjubinskij D.A. Russkij nacionalizm v nachale stoletija: rozhdenie i gibel' ideologii Vserossijskogo nacional'nogo sojuza [Russian nationalism at the beginning of the Century: the Birth and Death of the Ideology of the All-Russian National Union]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Komendrovskij I.N. Dobrovol'cheskaja armija v bojah i pohodah. Kn. 2. Pervye pobedy. T. 1. Vtoroj Kubanskij pohod. 10.VI – 18.IX.18 g. [The Volunteer army in battles and campaigns. Book 2. The first victories. Vol. 1. The Second Kuban campaign. 10.VI – 18.IX.18]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii [After the Russian Empire]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Lannik L.V. Vesennij divertiment: k istorii germano-jestonskogo al'jansa v 1918 g. [Spring divertissement: towards the History of the German-Estonian Alliance in 1918] // Zhurnal Rossijskij i vostochnoevropejskij istoricheskij issledovanij [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2020. № 1 (17). S. 25–41. (In Russ.)
- M.O. Men'shikov. Materialy k biografii [M.O. Menshikov. Materials for a biography] // Rossijskij arhiv: Istoriya Otechestva v svjdetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. [Russian Archive. The history of the Fatherland in certificates and documents of the 18th–20th centuries]. Vyp. 4. Moskva, 1993. S. 1–271. (In Russ.)

Mahrov P.S. V Beloj armii generala Denikina. Zapiski nachal'nika shtaba Glavnokomandujushhego Vooruzhennymi Silami Juga Rossii [In the White Army of General Denikin. Notes of the Chief of Staff of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia]. Sankt-Peterburg, 1994. (In Russ.)

Manikovskij A.A. Boevoe snabzhenie russkoj armii v mirovuju vojnu [Military supply of the Russian army in the World War]. Moskva, 1937. (In Russ.)

Molchanov V.M. Bor'ba na vostoke Rossii i v Sibiri [Struggle in the East of Russia and in Siberia] // *Belaja gvardija. Al'manah* [The White Guard. Almanac]. № 1. Moskva, 1997. S. 45–49; № 2. Moskva, 1998. S. 33–38. (In Russ.)

Noks A. Vmeste s russkoj armiej. Dnevnik voennogo attashe. 1914–1917 [With the Russian army. Diary of a military attache]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Nosovich A.L. N845 Belyj agent v Krasnoj armii: Vospominanija, dokumenty, stat'i [N845 White agent in the Red Army: Memoirs, documents, articles] / ed. A.V. Ganina. Moskva; Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Pavlov A.Ju. Sojuzniki i protivniki: franko-russkij sojuz v 1918 g. [Allies and opponents: the Franco-Russian Union in 1918] // *Istoricheskie issledovanija* [Historical research]. 2020. № 15. S. 227–236. (In Russ.)

Posadskij A.V. V.K. Manakin i Saratovskij korpus. Epizod Grazhdanskoj vojny [V.K. Manakin and the Saratov Corps. Episode of the Civil War]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Pribaltika mezhdju dvumja revoljucijami [The Baltic States between two revolutions] / per. s nem. L.V. Lannika; komm. i vst. st. L.V. Lannika, N.V. Lavrent'eva. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Raevskij N.A. Tysjacha devjat'sot vosemnadcatyj god [1918 year]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Redzhi. Antanta, nemcy i russkaja Dobrovol'cheskaja armija [Entente, Germans and the Russian Volunteer Army] / ed. L.V. Lannik. Moskva, 2015. (In Russ.)

San'kova S.M. Russkaja partija v Rossii. Obrazovanie i dejatel'nost' Vserossijskogo nacional'nogo sojuza (1908–1917) [The Russian Party in Russia. Formation and activity of the All-Russian National Union (1908–1917)]. Orel, 2006. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. “Inaja zemlja, inoe nebo...”: Zapad i voennaja jelita Rossii (1900–1914 gg.) [“Another earth, another sky...”: The West and the military elite of Russia (1900–1914)]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnoshenija: ot intervencii k priznaniju, 1918–1924 [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations: from Intervention to Recognition, 1918–1924]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Solonevich I.L. Nasha strana. XX vek [Our country. 20th century]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Svechin M.A. Zapiski starogo generala o bylom [Notes of an old general about the past]. Nicca, 1964. (In Russ.)

Tarasov K.A. Voennye zagovory, nastojashhie i mnimye. Dejatel'nost' antibol'shevistskogo podpol'ja po organizacii vooruzhennogo vosstanija v Petrograde, mart–ijun' 1918 g. [Military conspiracies, real and imaginary. The activity of the anti-Bolshevik underground in organizing an armed uprising in Petrograd, March–June 1918] // *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2019. № 2 (17). S. 32–69. (In Russ.)

Trubeckoj E.N. Iz putevyh zametok bezhencja [From the travel notes of a refugee] // *Arhiv russkoj revoljucii* [Archive of the Russian Revolution]. T. 18. Berlin, 1927. S. 137–207. (In Russ.)

Ukraina – 1918. Vzgljad iz Germanii [Ukraine – 1918. View from Germany] / per. s nem. i komm. L.V. Lannika. Moskva, 2018. (In Russ.)

Vatlin A.Ju., Lannik L.V. Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj szuzhet iz istorii sovetsko-germanskikh otnoshenij na ishode Pervoj mirovoj vojny [Secret Notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: an Unknown Plot From the History of Soviet-German Relations at the End of the First World War] // *Novaja i novejsaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

Volkov S.V. Tragedija russkogo oficerstva [The tragedy of the Russian officership]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vrag, protivnik, sojuznik? Rossija vo vneshnej politike Francii v 1917–1924 gg. [Enemy, opponent, ally? Russia in the foreign policy of France in 1917–1924]; v 2 kn. / ed. A.Ju. Pavlova. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Zaljubovskij A.P. Snabzhenie russkoj armii v Velikuju vojnu ruzh'jami, pulemetami, revol'verami i patronami k nim [Supply of the Russian army in the Great War with rifles, machine guns, revolvers and cartridges for them]. Belgrad, 1936. (In Russ.)